

18+

Денис Прохор

**Когда-то
они
не станут
старше**

Роман-африкано

Денис Прохор

**Когда-то они не станут
старше. Роман-африкано**

«Издательские решения»

Прохор Д.

Когда-то они не станут старше. Роман-африкано / Д. Прохор —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567062-5

Крохотная страна в Африке. Заложница географии и истории. Место, где дети
берут в руки оружие, где игра заканчивается смертью.

ISBN 978-5-00-567062-5

© Прохор Д.
© Издательские решения

Когда-то они не станут старше

Роман-африкано

Денис Прохор

*Ник оглядел обгорелый склон, по которому
раньше были разбросаны дома, затем
пошел вдоль путей к мосту через реку.
Река была на месте.*

Э. Хемингуэй. На Биг-Ривер.

© Денис Прохор, 2022

ISBN 978-5-0056-7062-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

«Ребята, привет. Это Большой. Сегодня я расскажу вам, как мы живем» – Большой выдвинул тонкий сустав селфи-палки и заслонил большим экраном смартфона, вылезшую из-за реки, желтую и прохладную почку утреннего солнца. В экране за плечом Большого образовался умиротворенный фон. Он был написан манящими, яркими красками. Светло-коричневый кусок влажной земли в глухой ограде изумрудного тропического леса. Хижины из камыша окружали квадратный дом на сваях, со стенами из саржевого полотна. У одной из хижин на земле лежала перевернутая камышовая лодка с разобранным наполовину днищем. Стоявший на коленях, человек вплетал в круглые ребра лодочного каркаса высушенные камышовые стебли. У человека была длинная, худая спина в длинном белом халате и белый тюрбан на голове.

– Здесь мы живем. Записываем ваши любимые ролики. Это дядя Зико. А это... – Большой нажал значок фотоаппарата слева на смартфоне и включил фронтальную камеру. Экран наполовину заполнила река. Одинокая. С акварельными, светло-зелеными волнами-пешеходами.

– А это. Это наше великое Конго.– торжественно произнес Большой.

– А это... – появился рядом с Большим веселый детский голос. – Это. Это наша маленькая какашка.

В левый угол смартфона прокралась сухая тростинка. На ее конце висела свежая коровья лепешка.

– Мизинец!

Изображение реки сменилось землей, желтой майкой убегающего Мизинца, лесом, куском хижины, лесом, тюрбаном дяди Зико и снова лицом Большого.

– Малявка тупая. Мизинец. Сами знаете, ребята. Сейчас. Еще раз. Это наше Великое Конго. И мы живем здесь. В смысле не в реке. Ну, вы поняли. Ладно. А теперь...

Река полетела в низко посаженное синее небо. Небо вмазалось в зеленую стену леса и в экране смартфона мелко закачался полутемный вход в одну из хижин.

– Средний. – позвал Большой. – Средний, выходи.

Из хижины вылез Мизинец. Он встал на цыпочки, приклеил плечи к шее и надул щёки.

– Чего надо, Большой. Не видишь, я сплю.

– Отвали, Мизинец.

– Мизинец? Где, Мизинец? Ты, Мизинец? Я, Мизинец? Что это, Большой? – вдруг спросил Мизинец.

– Что?

– Ты что не видишь? Целых четыре мизинца. Как так? Так как?

– Тактактак. Чего не понятно. Отвали.

– Понятно. Отваливаю.

Мизинец отдал воинское приветствие и поскакал вокруг хижины, распевая на ходу.

– Шиза вуман! Оё-ё-ёй. Шиза вуман.

В хижине было сухо и светло. Средний сидел на белом и теплом песке. Это был высокий и худой мальчик с острыми лопатками и вздутым рахитичным животом. В ногах он держал толстостенную медную ступку и увлеченно шуровал внутри ступки тяжелым пестиком.

– Средний. – позвал Большой.

– Не снимай. – сказал Средний. Он не поднял головы и не прекратил своего занятия.

– Я блог записываю. Для наших подписчиков.

– Круто. – отозвался Средний.

– Круто. Чего делаешь?

– Не видишь?

– Средний. Давай, не средничай. Ребята хотят знать, чем ты занимаешься.

– Серьезно?

– А то.

– Ладно. – Средний встал и показал ступку и пестик.

– Это ступка. Это пестик. А вот это ступка. А вот это пестик.

– Понятно. Еще скажешь чего-нибудь?

– Чего-нибудь? Без шуток?

– Конечно.

– Тогда с тебя крупный план.

– Как скажешь.

Средний встал и подошел почти вплотную к Большому.

– Нормально? – спросил Средний.

– Нет, но да.

– Значит вот чего. – на мгновение Средний задумался. – Я здесь думал... Ваканды не существует.

– Ладно тебе, Средний.

– Seriously. Ваканда-нет.

– Ваканда-да. Как ты можешь так говорить. Ты же первый из нас нашел вибраниум.

– Это Указательный. Я просто сделал на основе вибраниума протонный бластер.

– Вот. И после этого...

– Это не наша Ваканда. Белые ее придумали. Они дураят нас, Большой.

– Зачем им это.

– Чтобы мы верили, а они знали.

– А бластер?

– Водяной пистолетик. Я его починил.

– Не может быть.

– Сам не верю.

– И король Чака?

– Разве может нормальный черный бегать в латексе.

– Почему нет.

– Белые делают из латекса презервативы.

– То есть король Чака... – Большой по-настоящему расстроился. – Ты стреляешь мне прямо в сердце. Он наша гордость.

– Бесплодная гордость, ненужная честь.

– О-о. Ты крут.

– Это не я, хотя нет. Я. – Средний разомкнул свои толстые черные губы.

– Здорово. – недовольно бросил Большой. – Я не мешаю. Каждый может жить в своей реальности. Это Средний, ребята.

– Это я. Большой?

– Да.

– Указательный тебя ждет.

– Зачем?

– За поворотом налево. В студии.

– Ладно.

– Ладно. Что-нибудь еще?

– Куда уж. Ты сегодня и так наговорился.

– Это да. – сказал Средний и снова вернулся к своему занятию. Продолжил пестикоступничать, а Большой вышел из хижины. Солнце раскинуло крылья над рекой и она посветлела. Большой, продолжая снимать, прошел мимо починенной лодки. Вернулся на покатый и голый берег. В низкое небо провалились белые, с кучеряшками, толстые облака. Кто их родил? Кто воспитывал? Нагло развалились без разрешения. Большой отставил телефон в сторону и смотрел на реку своими глазами.

– Знаете, ребята. – сказал вдруг Большой. – Не знаю, как сказать. Вот река. Она же не понятная. В смысле, чего там в ней находится. Понятно, что всякие рыбы. А чего она выкинет? Ждешь-ждешь и не знаешь. Короче, не как в жизни. Можно об этом подумать. Я точно подумаю. А пока пока. Это Большой. Бей кулак, когда не так!

Большой выключил телефон, положил его в карман широких армейских штанов и подошел к дому на сваях. Поднялся наверх по веревочной лестнице в студию. Небольшое помещение с саржевыми стенами. Одна из стен была завешена ковром леопардового цвета. Настолько крутым, что в полумраке светились мягким синим цветом его кошачьи полоски. Ковер не заканчивался стеной. Его хватило, чтобы покрыть до самого пола, объемный диван с круглыми тканевыми подлокотниками. На диване перед огромным и тонким монитором сидел Указательный. Бродил умело и ловко по изогнутой игровой клавиатуре. Большой присел рядом.

– Подписчики? – спросил Большой.

– 39 541

– Нормально так. – покачал головой Большой. – Это больше чем у Первого Национального.

– Опа. – подвижная рука Указательного перебралась на мышку. Указательный нажал левую кнопку

– Скайпик, Большой.

– Кто там? Джек?

– Здорово, парни

– Здорово, Джек. Как там Нью-Йорк?

Парень лет 14 в реперской бейсболке улыбался с экрана монитора.

– Чё. Как там ваши джунгли?

– А ваши? – откликнулся Указательный.

– У нас норм. Вчера копа подстрелили прямо возле дома.

– Ваши? – спросил Большой.

– Свои. Те же копы. Прямо на улице. Пам. Пам. Это Нью-Йорк, детка. Людей много, кокса мало. Смотрите, чего вчера подогнали.

Джек показал Большому и Указательному телефон.

– Это что там у тебя. – заинтересовался Указательный. – 6-й?

– 7-й – похвастался Джек. – Почти нулевой.

Большой вытащил из кармана свой телефон. Джек был раздавлен.

– Как? Погоди. Это 10-й? Как так, парни? От меня до Уолл-стрит две остановки на метро.

Мне лет пять нарисов чистить... Как?

– Дядя продал лодку. – сказал Большой.

– Очень хорошую лодку. – добавил Указательный. – Так много камыша.

– Парни. Вы ломаете мой мир.

– С чего ты взял? – спросил Указательный.

– Посмотрите на меня. Я так-то не расист. Я люблю бурито и Шакиру в молодости.

Но разве вы не видите?

– Что там у тебя? – спросил Большой.

– Так-то я белый, парни. Живу в Нью-Йорке с галимым 7-м айфоном.

– Пора переезжать, Джек. – улыбнулся Большой.

– Только у мамы спрошу. Через 4 года, когда 21 год исполнится.

– Азалия. – шепнул Указательный Большому. В углу монитора мигал значок скайпа.

– Ладно, Джек. Мы дальше пойдем.

– Сегодня стримите?

– Вечером заходи. После 8.

Указательный щелкнул мышкой и Большой не увидел, что ответил Джек. На экране монитора появилась Азалия. Симпатичная полная девочка лет 12 со множеством тугих и коротких косичек-макарошек на голове.

– Привет, кулак. Вы помните? Вы мне обещали?

– Твой день рождения? Конечно. – сказал Большой

– Я отправила приглашение. Куда ты сказал, Указательный.

Указательный достал из-под стола пачку красивых приглашений. Разложил их веером и показал Азалии. Девочка улыбнулась.

– Там и для Безымянного. Я надеюсь, он будет с вами.

– Я тоже надеюсь. – улыбнулся Указательный.

– Это будет самый замечательный день рождения в твоей жизни. Мы тебе обещаем. – сказал Большой.

Глава 2

Этих людей можно встретить, где угодно. В любой стране и на любом континенте. Таков их удел. «Не важно куда, но катить земной шар по небесному склону». Так рассуждал Бен Андерсон. Тот, что повыше и помоложе. «Если не мы то, кто будет зарабатывать нашу пенсию?» – говорил Свен Торингтон. Тот, что пониже и постарше. Однажды утром они встретились в ресторане шикарного отеля «Зеленая Хижина» в центре самой нищей африканской столицы. Бен опоздал и Свен заканчивал свой завтрак в одиночестве. В «Зеленой Хижине» совершенно фантастически готовили мясо и яйца пашот с местным соусом, определенно замешанным на магии, настолько он был необычным и вкусным. Свен выпил бокал холодной и вкусной воды. В который раз Свен Торингтон, не удивился. Нет! Это не про него. Свен не удивился, но удостоверился в божественном происхождении этого мира. Бокал такой воды, где-нибудь в Пьемонте, на родине Свена, стоил несколько центов, здесь же из-за него могли спокойно убить. В этом не было никакой логики, продуманного практического смысла, а значит, и Свен радостно поддакивал собственным мыслям: «Землю создал Бог». Принесли кофе, а Свен еще раз обвел ручкой с черными чернилами передовицу в главной местной газете и подчеркнул несколько раз слово «Лусанда» в образованной ниже траурной рамочке. Кофе был отчаянный. Свен разбирался. Такой кофе стоил здесь один настоящий доллар и полтора миллиона

местных. «А в Пьемонте» – подумал Свен. – «Дорого, но не повод нанимать киллера. Хвала тебе, Господи». Свен выпил кофе и примерно через десять минут в ресторане появился Бен. Он сел напротив и улыбнулся. Зараза! Знали они друг друга давно. Встречались в 2014 году в Восточной Европе и пошалили там на славу. Благо, что были на одной стороне. А это случилось редко. Так, чтобы их конторы работали вместе без подсиживаний и интриг. Противник должен быть по-настоящему сильным. Как тогда в 2014 году, когда они столкнулись с древним своим, не убиваемым врагом. Здесь все было иначе. Вернее как всегда. Скучная рутина. «Спасем мир» – подумал Свен. – «И хорошо, что это наш мир».

Свен двинул через стол газету. Андерсон такой себе современный американец, основательно натерший свой реднек белым воротничком, взял газету и громко прочитал то, что было написано в черной рамочке.

– Армия Господа атакует нефтяные поля Лусанды. И что? ЦРУ ради, Свен? Я ничего не знаю про это.

– Наш договор...

– Скажу так. – помедлил Бен. – Ты уже выпил кофе?

– Да.

– Хорошо. Значит сможешь переварить мою суровую правду. Мы не всегда готовы к тому, что выкинут наши протее.

– Пока здесь не появилось АНБ, ЦРУ все держало под контролем.

Бен одобрительно кивнул головой.

– 25 переворотов за 40 лет и джинсовая война против Уганды?

– Это правильный путь. – сказал Свен. – Так мы построили нашу страну. А что о твоей конторе? Что реального вы сделали, кроме этого нового Бена Иисуса Ладена?

Бен примиряюще развел руки.

– Зико, конечно, экстравагантен. Не спорю. Но мы крепко держим поводок.

– Его бандиты сожгли буровые Эксона и убили двух инженеров из Техаса.

– Их могли убить и в Техасе. Эксон вообще рискованный бизнес.

Свен поморщился. Хотя его морщины этого не заслуживали. «Эти молодые зайцеволки. Вегетарианцы с кровожадным оскалом».

– Мы заключили сделку. Президент Мбала контролирует столицу и север. Армия Господа контролирует юг.

Бен Андерсон хлопнул гладкими бритыми щеками и едва ли не расстроено сказал.

– Сам понимаешь. Вещи такие, какие есть. Мы должны работать с тем, что имеем. Если...

– Если? – спросил Свен.

– Если Ходжи выйдет на свободу.

– Правая рука Зико. Президент Мбала никогда не согласится.

– Не проблема.

– Не проблема?

– Свен. Ты всегда сможешь найти нового Мбалу. Уверен, даже сейчас, в твоём кармане дюжина новых президентов для этой веселой страны... К тому же. – Бен Андерсон оторвал газетный лист со статьей о Лусанде. Свернул из нее кулек и вставил его в свой левый колодец-кулак.

– Недавно у меня появилась возможность распоряжаться фондами для агентов. Свободно и безнадзорно. А у тебя могла бы появиться хорошая прибавка к пенсии. Соглашайся, Свен. Мы должны работать вместе. Полосы разные, но флаг один.

Свен молчал. Ему было неуютно. Зачесалась душа, это ладно, но где найти такой косяк? Свен Торингтон был прошлым американцем. Пока еще. На его реднек трудно было подобрать нужный воротничок. Бен достал из кармана тонкого узкоплечевого пиджака блестящий пакетик.

– Будешь?

– Что это?

– Жареные семена подсолнечника. Московский деликатес. Никак не могу избавиться.

– Прилипчивый?

– Почти как я.

– Я повременю.

– Со мной или с семками?

Свен молчал. Напряженно. Долго. Громко. Обдумывал предложение. Хотя все для себя решил. Все для себя решил. Хотя...

– Зико оставит Лусанду. – сказал Торингтон.

– Сделаем все возможное, Свен. – с готовностью прошепелявил Андерсон. Во рту собралась вкусная и густая слюна, а на губах налипли... «Как это?» – старательно вспоминал Андерсон. – «Похоже на фамилию этой польской чувихи из секретариата посольства.»

– Shelupauki – сказал Андерсон.

– Ты знаешь Ядвигу? Ядвигу Баскетбольные мячи?

– Здесь такая скука и такой СПИД – вздохнул Бен Андерсон. – Конечно, я знаю Ядвигу, но баскетбольные мячи? Свен? Там максимум груши конференц. Ты про задницу?

– Я про женщину. Таковую как надо женщину. Она независимая и главная. Как упругий баскетбольный мяч.

– Вот это да. А я никогда и не думал вот с этой вот стороны.

– Как говорит моя маленькая тридцатилетняя дочь. Печалька. А по нашему делу... Вот что я думаю. Что Зико без АНБ?

– Это да. – Бен сложил кулек в карман.

– Хотя... – Свен продолжил. – Что АНБ без Зико.

Свен улыбнулся и протянул руку Бену Андерсону.

Глава 3

Из прохуdivшегося мешка Британской империи эта страна выпала в 1960 году. Был жив Кеннеди. Плавил лёд советская оттепель. Сам собой напрашивался 68-й. Который случится в Париже, продолжится в Праге, а прикончит его праздник Тет. Вьетнамский Новый Год. Бессмысленная бойня. Идеалы всегда пахнут дымом, кровью и надеждой. От здравого смысла тянет болотом, скукой и обычной жизнью. Такова мировая гармония. Жизнь даёт надежду, надежда обрывает жизнь. Жизнь – надежда, надежда – смерть. Какая-никакая, но мысль. Зато она, пусть корявенько и не бесспорно, объясняет, почему смартфон в руке держит все тот же человек, что когда-то давным-давно взял в руку палку. Бывшие хозяева позаботились, как хотели, о молодой новорожденной нации. Бочковатый и сизоносый клерк из британского министерства колоний провел на политической карте стройные границы. Красивый равнобедренный треугольник оранжевого цвета. Чуть ниже и в сторону от экватора. Клерк не знал (чем больше живу на свете, тем больше сомневаюсь), что его любовь к геометрии напололам разрежет племенные жилы. С самого начала (да, конечно, знал!) добела обескровит национальное тело и перекроет доступ кислорода в младенческий радостный мозг. Полста лет ворочается этот младенец в своей заметно обедневшей колыбели. Ничего не слышит, кроме погремушки свободы и независимости. Пузырятся веселые слюны и есть надежда. Она же жизнь. Она же смерть. У белки в колесе больше шансов. Она работает. Не мечтает. Все президенты вольной, без царя в голове, страны были мечтателями. Мечтателями и карателями. Карали тёмное прошлое и мечтали о светлом будущем. Беспощадно. Первый президент. Доктор Окомо. Ангаирисоко, что значит «муравей, который победил слона». Африканский Ганди и Гитлер саванн. Мферато (белый с чёрной кожей). Враг народа. Бармалей из журнала «Крокодил». Отец отцов и мать матерей. Блюинуфанди – «тот, который родил нацию». В разное время, но все это он. Доктор Окомо. Он был сыном короля. Суверенного владельца патефона, трёх деревень и двух

тысяч голов человеческого и всякого другого скота. Чтобы хорошенько любить Африку папа отправил сына в Европу.

– Задай им жару, сынок. Этим белым. – мощный старик был велик в этот момент. – Ты можешь. Ты сын Носорога и Антилопы.

Сын отвечал ему гордо.

– Я их ненавижу и люблю свой народ. Наши закаты прекрасны. Закат Европы ужасен. Шпенглер...

Отец прервал своего грамотного, но неумного сына. Он был разгневан. Он кричал. Мотались из стороны в сторону пальмовые листья его коронационной юбки и сушеные вражьи головы на его шее. Старик король читал только наклейки на стеклянных бутылках и купчие компании «Голден Майнинг». Один ящик – одна голова. Но он был справедлив. Его било похмелье, но он не бил своего сына.

– Видишь? Видишь? Шпенглер. Шпингалеты. А что есть у нас? Как ты? Ты? Носорожец. Ты? Антилоп и не понимаешь этого?

– У нас есть чувства. – отвечал Окомо. Не опускал головы. Смотрел прямо. Инстинктивно король пошарил за тронем. Произвел неприятный звук ртом. Шумно поднялся с трона и положил свою толстую удавью руку на плечо сына.

– А ты не так плох. Знаешь, в чём настоящая сила. Запомни. Чем дальше тем краше любовь, чем ближе тем ярче ненависть. Ты понял?

– Я понял, отец.

– Тогда и ты пойми меня, сынок... Сходи к матери. Возьми бутылку.

Окомо отправился в Европу, где следующие 25 лет пестовал свою любовь и лелеял свою ненависть. В деньгах недостатка не было. Он учился в Оксфорде и, в рамках программы изолированной местности, его не закончил. Окомо носил смокинги, курил не только сигары. Ездил на Ролсе с белокожим водителем. Ветераном-буром из Оранжевой Республики. Абсолютно логично, что после аншлюса Австрии в 38 году и лечения триппера (через всю жизнь доктор Окомо пронес страсть к неподтверждённым шведкам) он стал нацистом. Одиноким антисемитом и ксенофобом в Европе образца 38 года. Истинным африкарием. Представителем наивысшей первородной расы. Озарение сошло на доктора Окомо шерлокхолмовским, промозглым утром в номере лондонского второсортного отеля. Там пахло статьями за хранение и употребление в особо крупных, неподтверждённой шведкой и судьбой. На краю несвежей кровати, одетый в шелковый и расписанный драконами халатик, доктор Окомо воровато огляделся. Увидел грязноватую прекрасную пятку и водянистый пасмурный свет в замызганном окне. Начинался рассвет. Мысль была великой. «Не я лишний. Господи, как же просто! Это они лишние! А Гитлер всё равно козёл». Тут же, не сходя с места, доктор Окомо учредил «Союз Носорога». ПаЧёПе – партию чёрного превосходства. Вторая мировая не разочаровала доктора Окомо. Наоборот утвердила в справедливости той самой великой и похмельной мысли. Его королевского наследства хватило ровно на 5 лет ожесточённой и праведной борьбы. Газеты, листовки, мачете, винтовки и цветные карандаши для батальонов Лунного Рассвета. Конференции и симпозиумы для членов партии в лучших отелях Швейцарии и Лазурного Берега. Следующие 10 лет до дня окончательного освобождения, когда совсем и навсегда закончились отцовские деревни, патефон и всяческий стыд, революцию доктор Окомо готовил на пару с департаментом Африки министерства по делам колоний Британской Империи. Всё они знали! Террористические необходимые атаки на усадьбы фермеров-переселенцев, стихийные митинги с отлично напечатанными плакатами, книга «108 способов убить Империю» – всё это щедро профинансировало министерство её величества. Они нашли друг друга. Окомо презирал министерство, а министерство презирало Окомо. Делить им было нечего. Кроме разве, что зрение подводило столь дружное единение. Доктор Окомо страдал близорукостью. Был убеждён, что революция это начало великого пути. У министерства, как пожилой организации, была дальновзоркость. На основа-

нии докладов, формуляров, межведомственной переписки и традиции, оно считало, что неизбежная революция – это безусловный конец великого пути. Истина, как всегда, была где-то рядом, а не там где надо. В ноябре 1960-го последний генерал-губернатор этой страны сэр Долби и пэр Долби потел и жарился на взлётном поле. У него был пробковый шлем и пробковые мозги. Его одолевали коммунисты-трайбалисты в нефтеносной провинции Лусанда и желание выйти замуж за румяного здоровяка адъютанта. Сэр Долби и пэр Долби разочарованно вздыхал. Тоталерантные времена были далеки, а тугой стан адъютанта совсем рядом. Да не укусишь... В смысле... Короче говоря, тёмно-зелёный военный Дуглас с раздувшимся брюхом и четырьмя пропеллерами на куцых крыльях пробежался с шумом по взлётному полю. Открылся люк и наружу вывалилась тонкая лестница. По ней осторожно, отклячив жирный зад, спустился человек в чёрном костюме, алом жилете и фиолетовой бабочке. Доктор Окомо не стал медлить и слился с обретенной родиной в мгновенном экстазе. Бухнулся на колени, выгрыз из бетонной земли черно-желтыми пальцами сухие крохи. Жевал долго и со вкусом. Бликовали фото-вспышки и члены «Союза Носорога». На почтительном отдалении завели они боевой и шумный хоровод с прыжками и копьями.

– Бео Блод! – закричал доктор Окомо.

– Масыт! – отозвались дружно его сторонники.

Сэр Долби и пэр Долби сделал вид, что поскользнулся, и крепко схватил сильную руку милого друга. «Союз Носорога» продолжил культурно бесноваться за оградкой из молчаливых британских полицейских. Шумел, дудел, рыдал и искромётничал напропалую. Доктор Окомо подвёл к генерал-губернатору длинную красивую блондинку. У неё была высокая и мягкая грудь, криво накрашенные губы и зеленое платье с русалочьим хвостом. Явно гордясь собой, доктор Окомо сказал:

– Это Ингрид. Она из Швеции. Знаете, сэр Долби и пэр Долби, Швеция – это место, куда из космоса спустилась раса гипербореев.

– Здравсте. – сказала Ингрид.

Про гипербореев сэр Долби и пэр Долби ничего не знал, а говорила Ингрид с явным бирмингемским акцентом. Как няня генерал-губернатора.

– Доктор Окомо. Ситуация требует решительных действий. – генерал-губернатор пристукнул тонким стеклом по зеркальному коричневому голенищу.

– Империя должна уйти. – торжественно объявил сэр Долби и пэр Долби. – Уйти церемониальным шагом. Министерство рекомендовало вас как пламенного борца и ниспровергателя.

Сэр Долби и пэр Долби запнулся, но решил высказать разумные опасения.

– Может быть министерство понимает, но я не понимаю, доктор Окомо. Ещё вчера «Союз Носорога» и королевская полиция увлечённо стреляли друг в друга. А теперь мы друзья...

– Берите выше. – засиял широкой улыбкой Окомо. – Теперь мы компаньоны.

– Звучит несколько... -сэр Долби и пэр Долби снова запнулся. – Не комильфо. Если вы понимаете...

– Не понимаю, но знаете, что я понимаю.

– Что? – вежливо поинтересовался генерал-губернатор.

– Бео Блод! – издал рокот и клокот из алой жилетной груди доктор Окомо.

– Масыт! – взметнулись над разгорячённой толпой руки и дружный вопль.

– Вот что я понимаю, генерал-губернатор. – лицо доктора Окомо стало точно таким как на будущем памятнике ему же из родимого чугуна.

Генерал-губернатор решил немного испугаться, чтобы доставить удовольствие этому странному парню в костюме загулявшего страхового агента, в чьи руки Империя вверяла миллионы человеческих душ. Генерал-губернатор начал заваливаться назад, пока не упёрся во что-то надежное. Твёрдое. Адъютанское. Это придало сил и сэр Долби и пэр Долби вернулся в привычное вертикальное состояние.

– Что же, доктор Окомо. Это ваша страна. Пользуйтесь.

Всего через три дня доктор Окомо вышел на кованный венецианским узором балкон теперь уже бывшего дворца генерал-губернатора. Был яркий и сочный день. По голубому и твёрдому, как крышка сундука, небу полз в направлении северо-северо-восток брюхатый тёмно-зелёный Дуглас. Так уходила империя. Доктор Окомо победительным взором окинул скучающую рядом Ингрид и битком набитую овальную площадь. Многие тысячи счастливых чёрных голов, белых зубов и влажных глаз. Доктор Окомо поднял руки, призывая к тишине, и площадь услышала его голос, протрескавшийся через плоскую коробочку микрофона.

– Свободные люди... Сегодня... – доктора Окомо разрывало изнутри. – Никто кроме нас не запретит нам быть счастливыми... Отсюда начнется господство чёрной расы. Мы построим дороги и новые города. Каждый день мы будем есть мясо и пить виски.

Прорываясь через крик толпы, доктор Окомо орал в ответ.

– Говорю вам! Через 50 лет наша империя изгонит последнего белого из Европы, и я самолично воткну наш флаг в глотку последнего принца Уэльского. Они слабые, а мы... Мы это знаем!

Доктор Окомо перестал себя сдерживать. Он перегнул флегматичную Ингрид через балконные перила, задрал кверху зеленое платье с русалочьим хвостом и рванул вместе с пуговицами ширинку. Решительными толчками доктор Окомо и распластанная под ним площадь пропели в унисон клятву члена «Союза Носорога». Неподтверждённая шведка Ингрид качалась вместе со всеми, но молчала. Красноречиво, по гиперборейски. Размышляла как толково вывезти из этой безумной страны половину годового бюджета в виде россыпи прекрасных алмазов. Никакого воровства. Доктор Окомо сам. Руководствуясь своим пониманием человеческого величия.

– Я сын чёрной земли! – кричали доктор Окомо и площадь. – Ее плоть. Ее кровь. Во мне! Нет! Ничего! Белого! Из слёз и горя моего народа. Я! Построю лодку и поплыву по великой реке. Там. Где ступит моя нога. Там. Я. Буду господином. Потому что я. Сын чёрной земли. Её плоть. Её кровь.

Доктор Окомо выдохнул. Ингрид поправила платье и продолжила скучать.

– Вперед, сограждане! – доктор Окомо проорался так как никогда до этого. – Никто не в силах нас остановить. Ты видишь это, отец? Я это вижу.

Первый президент. Доктор Окомо успел многое. Учредил тайную полицию. По образу и подобию. Объявил свободные выборы в парламент и свободно расстрелял его из автоматов и пушек. Вырезал под корень пару деревень за связь с партизанами и окончательно распрощался с Британской Империей. Торжественно, после обряда главного колдуна, передал концессию на нефтедобычу в Лусанде американцам. Доктор Окомо был истинным демократом и ненавидел монархию. Его убили через год после откровенного перформанса на балконе. Но дело его продолжили другие. Страна жила чувствами, как завещал первый президент. Гнев, ярость, любовь и ненависть и вера – всё сплелось в безвольный клубок равнодушия и апатии. Золотой треугольник разочарования, где все ждут обещанное мировое господство и водопровод. Второй, шестой, десятый и пожизненный президент полковник Карету повесил первого президента на том самом балконе, откуда год назад доктор Окомо обещал всем счастье. Гигантскую бронзовую статую отцу-основателю поставил одиннадцатый президент фельдмаршал Кику. Как раз успел между тем как съесть (в прямом смысле) пожизненного президента полковника Карету и быть съеденным двенадцатым президентом мистером Мун Шайном. 90-е случились не только в России. На планете Земля случились. Все беды от хронологии. От чего же еще? Но, если присмотреться, не все было плохо. Тринадцатый президент Мбала обещал много чего хорошего и сверху тонну прекрасного. Страна, основанная доктором Окомо, и люди ее населяющие были достойны счастья. А у одного гражданина такое счастье случилось. Мало того что он жил на улице Счастья, хотя многим и этого хватило бы за глаза. Это была центральная

улица, и был хороший дом. В другом месте этот дом некоторые горячие головы обозвали бы некондиционной хрущобой, но что они знают? Что они жили?

Глава 4

Отис Булсара открыл глаза. Раз и навсегда. Отис был из тех немногих людей, для кого сон – это необходимая остановка по требованию, а не долгое волшебное путешествие в назад. В маленькой уютной квартирке начиналось утро. По краям жестяных и погнутых ставен (Отис жил всего лишь на третьем криминально ёмком этаже) копился густой и жёлтый свет. Тропическое солнце ломилось в окно. Невежливо. Настойчиво. Справедливо. Осторожно, чтобы не разбудить Дину, он выбрался из-под тонкого овечьей шерсти одеяла. На жёлтом паркетной ёлочкой полу лежала утренняя серая плёнка. Отис прошел в закуток, огороженный шуршащей занавеской с изображением красной спортивной машины. Встал в мелкую голубую ванночку и облился холодной водой из гибкого шланга. Вытерся насухо длинным полотенцем. Почистил зубы и побрился старой заводной бритвенной машинкой. Отис совсем не был плох. К сорока годам Отис превратился в красивого мужчину. Высокого и плотного. Не по-спортивному, но от долгой физической работы. Без искусственного рельефа, но с твердыми большими кусками мышц под гладкой черной кожей. Голова у Отиса была круглая с тонкими необычными губами и расплюснутым носом. Возраст могли выдать волосы. Слева за ухом седое пятно, как будто не хватило черной блестящей краски. Раньше Отис закрашивал это пятно, но когда появилась Дина в его жизни, она сказала.

– Не надо, Отис. Что было уже не будет.

И Отис подчинился, а потом ему самому понравилось. Это было солидно и правильно. «Что было уже не будет». Будет новый день, а это само по себе библейское необъяснимое чудо. В кухоньке, где на стенах жили, написанные Диной, герои Короля-льва Отис вскипятил на приснопамятном, старо литературном примусе воду. В голубой керамической чашке развёл липтоновский чай с сильным невероятным запахом. Посидел на стойком табурете, выпил чай и съел кусок хлеба с ломтиком холодного и твёрдого масла из округлого холодильника «Розенлеф». В шкафу взял свой рабочий черный костюм и белую, выглаженную с вечера Диной, рубашку. Полностью одетый, Отис вернулся в спальню вместе с гнутым бамбуковым стулом. Сел на стул и стал смотреть на спящую Дину. Через некоторое время он поднялся, вышел в кухню и вернулся назад с фиолетовыми пышными цветами в толстенькой стеклянной вазе в одной руке и стареньким полароидом в другой. Отис поставил вазу с цветами на кровать рядом с Диной. Сел на стул и приготовился сфотографировать получившуюся картину Помешала Дина. Она медленно перевернулась, и ее тонкая красивая рука коснулась холодных и влажных цветов. Дина мгновенно проснулась и вскочила на ноги.

– Оти! Ты, маленький засранец!

– Дина. Стоп. – испуганно закричал Отис.

Дина замерла с подушкой над головой. Тонкое одеяло едва прикрывало тяжелую и красивую грудь.

– Что? Что случилось? – испуганно зашептала Дина. – Паук?

– Не двигайся. – Отис вытащил из-за спины полароид и быстро, от груди, сфотографировал Дину. За что моментально получил подушкой по голове.

– Отис! Ты урод и не смей мне возражать.

– Я тебе люблю, львенок. Завтрак на столе и спасибо. – Отис помахал фотографией. – Моя коллекция пополнилась новым шедевром.

– Только посмей это повесить на стену.

– Я назову это: Утро после любви.

– Если ты это сделаешь, тебя будет ждать: Ночь без кровати. Посмотри, от чего ты отказываешься. – сказала Дина и одеяло упало к ее ногам.

– О нет. – сказал Отис.

– О да. – сказала Дина.

– Ты это сделаешь?

– Не сомневайся.

– Ты лишаешь меня воспоминаний. – Отис порвал фотографию на аккуратные кусочки и сложил их в карман пиджака. Дина подошла к Отису и прижалась к его груди.

– Они тебе не нужны. Потому что.

– Я всегда буду рядом. – сказали они друг другу одновременно. Отис спускался по широкой выщербленной лестнице, когда завибрировал телефон. Отис остановился, какое-то время напряженно думал, но потом все же ответил на сообщение. Фольксваген Гольф 1992 года рождения ждал Отиса на площадке перед домом. Это была панельная, совсем запаршивевшая пятиэтажка. В 70-х ее построили люди из большой северной страны. Так же как и плотину с электростанцией на одном из притоков Великой реки. Это были странные белые. Весёлые и не душные. У них не было пробковых шлемов и они умели обходиться без чёрной прислуги. Совсем странные белые. Некоторые из них даже искренно верили, что это самое последнее дело, делить людей по цвету кожи. Отис учил в школе, что этой большой северной страны больше нет. Она оказалась не такой как сама о себе думала. Прямо не страна, а Макмёрфи из «Пролетая над гнездом кукушки». Ничего у неё не получилось, но она хотя бы попыталась... Отис обошел вокруг машины и снял фанерные щиты, закрывавшие окна. Ночи в столице, как ночи в джунглях. Не терпят справедливости. Отис объехал по кругу площадку и вырлил через полукруглую арку на проспект Радости. Отис прополз до первого светофора вместе с вываливающимися на разбитые тротуары в людские утренние реки грузовиками, воловьими упряжками, велосипедистами и интересными пешеходами. Горел красный свет. Мимо Отиса тек в мареве жаркого солнца, голосов, мычания и автомобильных гудков радостный проспект. Через него навстречу Отису пробивалась миловидная девочка лет 14. Она была одета в белые блузку и юбку. Справа на блузке было вышито изображение зеленой хижины. Девочка искусно и ловко обходила препятствия. Вслед за ней топал грузный мужчина лет 50. Девочка спереди обошла Гольф и села на переднее сиденье.

– Привет, Куба. – сказал Отис.

– Здравствуйте, мистер Отис.

Отис повернулся в кресле и приоткрыл заднюю дверцу. Машина качнулась и в нее, едва не сломав, влез потный толстяк. Он тяжело дышал.

– Мистер Отис. – сказал толстяк.

– Роб.

– Мы не опаздываем?

– Какая разница, дядя? Если здесь наш босс?

– Помолчи, Куба. Ведешь себя так, словно вчера из деревни.

– Позавчера, дядюшка.

– Дети. – пожаловался Роб Отису. – Такие, как-будто их родили инопланетяне.

Опять загорелся красный свет и Отис, наконец, поехал. До Зеленой Хижины добрались без происшествий, если не считать того, что Робу пришлось огреть своим тяжелым кулаком одного любопытного быка.. На одном из перекрестков Отис остановился прямо напротив алтаря республики. Это была четырёхгранная призма с портретами президента Мбалы на все стороны света, обрамленная живыми цветами, повторяющими государственную колористику. Ожиревший до одури, как европейские ценности, и наглый, как американские феминистки, бык оторвался от напряжённого изучения ботаники и нарушения 5 статьи 25-й конституции (о защите государственных символов) и засунул свою жующую рогатую морду в заднее окно машины. Там столкнулся с неприятной по нынешним временам неожиданностью. Его встретила традиционная пролетарская неуступчивость и бескомпромиссность. «Зёленая хижина» находилась на краю тихой, вымощенной брусчаткой, площади Энтузиазма. Роба и Кубу Отис

высадил у главного входа, в начале малиновой с золотым орнаментом дорожки. Она вела к полукруглым низким ступеням и знаменитым зеркальным дверям в оправе из ажурного вензельного крупповского железа. Отис объехал площадь посигналил у зеленых ворот. Гольф въехал на задний двор отеля и встал на очерченный желтой краской прямоугольник с надписью: «Старший администратор». Отис закрыл машину и поднялся к себе в кабинет на втором этаже. Надолго задерживаться не стал. Посидел в кожаном кресле, по интеркому справился о шумном постояльце из президентского номера. Какое-то время бездумно глядел в одну точку. Наконец со вздохом поднялся, пошевелил широкими плечами и вышел из кабинета. Пора было начинать этот день.

Глава 5

«Зеленую Хижину» построил в 1935 году один эксцентричный бельгиец. После сотого миллиона, сколоченного на крови и поте этих беспокойных людей, в бельгийской экономической голове откуда ни возьмись явился в фаворском свете блаженный Августин со стрекозиными крылышками и прогудел внезапным басом церковного регента.

– Тиха бо дателя любит Бог.

Лучшим решением было бы проложить в растущей и нищей столице водопровод и канализацию, но после двухсотого миллиона в бельгийскую экономическую голову уже никто не явился и в центре города на пересечении бывшей улицы Леопольда-Кристиана (теперь Надежды) и Фредерики-Георга (теперь Веры) появилось изумительное трехэтажное здание. Оно было сделано из кирпича светло-кораллового цвета, повторяло формы местной архитектуры, и было увенчано острой крышей, покрытой зеленой черепицей. Это был первоклассный отель. С рестораном, собственной дизельной электростанцией и президентским номером, занявшим весь верхний этаж. На втором этаже разместился Конгресс-Холл: большой и светлый зал со множеством высоких окон и выходом на огромный балкон, который прикрывал от зноя и дождя вход в отель со знаменитыми ганноверскими зеркальными дверями. Балкон поддерживали два серьезных мужчины из гранита. У них были греческие носы и бороды, и не было фиговых листков. Около ста человек обслуживали «Зелёную хижину» и её постояльцев. Управляющим числился двоюродный дядюшка президента Мбалы. Старый прохвост Тапута. Кроме отеля, до недавнего времени, он управлял министерствами будущего и тяжёлого машиностроения. Две недели назад он пропал. Амплитуда слухов о том что с ним случилось выросла строго в вертикально. От хрустального дворца в безбедном городе Майами, где дядюшка Тапута купается в фонтане розового шампанского на пару с четой Трампов до сломанного позвоночника и медленной ужасной смерти под палящим солнцем пустыни Реута. Отис даже не сомневался в истинности второй версии. Он хорошо знал президента Мбалу. Наверняка тот, наконец, несколько отвлекся от массовых казней повстанцев и коллекционирования призовых верблюдов и решил поруководить вверенным ему государством. Обнаружил, что ни тяжёлого машиностроения, ни будущего как не было так и нет, а министерства живут и процветают. И ладно бы страна. Она и не такое видала. Президент Мбала мог почувствовать себя обманутым. В таком случае ничто бы не спасло Тапуту. Мбала наверняка самолично загнул его пятки к затылку. Так поступал Чингиз-хан. Мбала уважал Чингиз хана и его заповеди. Нельзя проливать кровь родственников и грозить грозе. Это президент Мбала знал чётко. После пропажи дядюшки Тапуты на хозяйстве в «Зелёной хижине» остался Отис. И это было лучшее решение. Никто не знал этот отель лучше него. Отис открыл тяжелую створку дубовых дверей с бронзовыми набойками и вошел в Конгресс-Холл. Над его убранством трудились около двух недель, и результат был, по мнению Отиса, вполне удовлетворительный. Зал был декорирован в стиле «Волшебника Оз». Прямо от дверей по паркетному полу бежала нарисованная дорога из желтого кирпича. Она упиралась в картонный фасад Изумрудного города с круглой сценой. Сразу за замком, за его коричневыми воротами начинался балкон. Вдоль дороги стояли киоски для мороженого, попкорна и сладостей. Они были сделаны в виде домиков Жевунов.

Рядом со сценой возле деревянной искусно выполненной статуи президента Мбалы выстроился в ожидании Отиса отельный персонал. Отис оглядел присутствующих, кивнул, здороваясь, и сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.